

УДК 82.09+821.161.1

doi 10.17072/2073-6681-2021-1-119-125

ЭССЕИСТИКА В. С. ПОДШИВАЛОВА В ЖУРНАЛЕ «ПРИЯТНОЕ И ПОЛЕЗНОЕ ПРЕПРОВОЖДЕНИЕ ВРЕМЕНИ»

Мария Валерьевна Сеницына

аспирант кафедры истории русской литературы

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1. sinmasha0913@yandex.ru

SPIN-код: 2935-1741

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2274-9103>

Статья поступила в редакцию 02.11.2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Сеницына М. В. Эссеистика В. С. Подшивалова в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 1. С. 119–125. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-119-125

Please cite this article in English as:

Sinitsyna M. V. Esseistika V. S. Podshivalova v zhurnale «Priyatnoe i poleznoe preprovozhdenie vremeni» [V. S. Podshivalov's Essays in the Magazine 'Pleasant and Useful Pastime']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 1, pp. 119–125. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-119-125 (In Russ.)

В статье рассматривается эссеистика В. С. Подшивалова, редактора журнала Московского университета «Приятное и полезное препровождение времени» и сторонника Н. М. Карамзина. Цель работы – определить своеобразие поэтики эссе и их значение в контексте журнала. На материале эссе Подшивалова рассматривается проблема становления сентиментальной эстетики на просветительской основе. Структура и методология работы определяются задачей комплексного анализа текста в аспектах композиции, риторических приемов, тематики и литературных связей.

Эссе носят программный характер: в них разъясняется суть актуального в то время направления – сентиментализма, разрабатывается концепция личности, принятая в нем. В них реализована единая композиционная модель – кумулятивная, основанная на постепенном присоединении однородных мотивных структур (которые оформляются, как правило, в виде триад с повторением ключевых слов), сопоставленных по принципу антитезы. Тематика эссе соотносится с дидактической литературой эпохи Просвещения: речь идет о традиционных темах, таких как доброта, милосердие или, наоборот, скупость, жестокость. Сатирические типажи скупого, лицемера или несправедливого критика разоблачаются путем противопоставления им сентиментальных ценностей (чувствительное сердце, уединение, близкий круг друзей). Подшивалов совмещает две традиции – просветительского дидактизма и сентиментализма, перенося дидактическую проблематику в сентименталистскую концептуальную сферу. В эссе есть ряд реминисценций из произведений Карамзина, выходящих примерно в одно время вместе с первыми частями журнала. Ссылки на Карамзина в университетском издании укрепляли его моральный и литературный авторитет. Эстетический эффект от эссе достигается путем соединения контрастных элементов – простоты содержания и сложности формы.

Ключевые слова: эссе; В. С. Подшивалов; Н. М. Карамзин; журнал «Приятное и полезное препровождение времени»; просветительский дидактизм; сентиментализм.

Журнал «Приятное и полезное препровождение времени» выходил при Московском университете на протяжении пяти лет – с 1794 по 1798 г. – в качестве приложения к «Московским ведомостям». У издания было два редактора – В. С. Подшивалов (1794–1795 гг.) и П. А. Сохац-

кий (1796–1798 гг.). Первые восемь частей под редакцией Подшивалова открываются его собственными сочинениями небольшого объема с нравоучительным содержанием: «К сердцу» (часть 1), «К жизни» (часть 2), «К уму» (часть 3), «К смерти» (часть 4), «Желания» (часть 5), «Сует-

ты» (часть 6), «Предприимчивость» (часть 7), «Покой» (часть 8). Помещение этих текстов в начале каждой части неслучайно: вступительные эссе носят программный характер, это своеобразные манифесты эстетической системы Подшивалова.

Журнал в целом проводит актуальную в то время сентиментальную эстетику [Комаров 1950: 149–151; Берков 1952: 530]. Подшивалов, сторонник Н. М. Карамзина [Модзалевский 1905: 216–220; Кочеткова 1999: 450–455], в своих эссе разъясняет суть нового направления – сентиментализма, разрабатывает концепцию личности, принятую в нем. В целях популяризации (а журнал был адресован широкой аудитории) он намеренно упрощает слог повествования и избегает сложных философских размышлений.

По форме и содержанию эти произведения можно отнести к жанру эссе (см. подробнее [Эпштейн 1988; Иванов 2004; Encyclopedia of the Essay 1997]). Тексты отличаются относительно свободной внутренней структурой [Хализев 2004: 331]: между блоками-триадами (о них речь пойдет ниже) нет временной связи, сцепленность этих фрагментов слаба, они могут быть переставлены в другом порядке без изменения смысла. Эссе не насыщены событиями: автору важнее передать свои размышления над обобщенными понятиями и эстетическими категориями, направленные на раскрытие типа сентиментального человека, от лица которого выступает сам автор. Исключениями в жанровом отношении являются тексты пятой и шестой частей: «Желания» тяготеют к нравоучительной повести с аллегорическим сюжетом, а «Суеты» – к исповеди с элементами аллегоризма. Однако начальное расположение и тематическая соотнесенность с другими вступительными произведениями позволяют рассматривать их в одном ряду. Эти выпадающие из общего ряда по форме тексты имеют общие содержательные черты с другими сочинениями. Например, в разных произведениях упоминается один и тот же герой (Каллиста как идеальный образ сентиментальной героини в «Желаниях» и «Покое»), а тема суетности и тленности человеческой жизни, заявленная в «Суетах», продолжается в «Предприимчивости». Сатирические маски, указанные в первых четырех эссе, получают развернутые характеристики в «Желаниях» и «Суетах».

Эссе обладают логическим композиционным построением как внутри каждого текста, так и на уровне названий. Основные концепты, вынесенные в заглавие, попарно соотносятся между собой по антитетическому принципу: сердце – ум, жизнь – смерть, предприимчивость – покой, желания – суеты, а также объединяются в группы:

жизнь – смерть – покой, сердце – ум – предприимчивость, желания – суеты – предприимчивость, порождая цепочку смысловых ассоциаций. С одной стороны, эти оппозиции описывают противоположные состояния человеческой жизни. С другой стороны, обобщенные понятия настолько тесно сплетены между собой, что это обстоятельство позволяет рассматривать все эссе как фрагменты единого текста, состоящего из восьми частей.

Эссе, как правило, включают три традиционных раздела: вступление, основную часть, заключение, которые имеют свою определенную структуру. Композиция двух последних эссе – «Предприимчивость» и «Покой» – усложняется: в начале сочинения добавляется абзац или несколько абзацев, уводящие в сторону от основного предмета изложения. Однако это кажущееся отступление вовсе таковым не является. Оно плавно вводит в повествование, дополняя и разъясняя суть понятия, которому посвящено эссе. В «Предприимчивости» на отступления приходится три абзаца, в которых дается отрицательный пример поведения человека с притупленным чувством бытия («с любимой мыслью о смерти делается мертв в цепи созданий» (Приятное и полезное препровождение времени, 1795, VII, 4)¹). Такое отступление необходимо, чтобы показать значимость предприимчивости, представленной в виде некой преобразующей силы, признаками которой являются всеохватность, созидательное начало и нацеленность на прогресс. В «Покое» автор снимает многозначность понятия «покой», оговорив вначале значение покоя как вечной жизни, а затем сосредоточив свое внимание на его значении как чистой совести. Однако и здесь обнаруживается глубинная связь: вечную жизнь обретает только тот человек, который «соблюдал покой совести и сердца» (1795, VIII, 4). Таким образом, построение этих эссе не нарушается, а отступления необходимы для большей убедительности и логичности рассказа.

Вступление эссеистического произведения (чаще всего это первый абзац) содержит обращение к предмету размышлений, который персонафицируется, что подчеркивается предложно-падежной формой в названиях – «К сердцу», «К жизни», «К уму», «К смерти», а также субъективное определение к каждому концепту, выраженное с помощью эпитетов, метафор или перифраз. Из эссе читатель не получит полного представления о значении того или иного понятия, но он получит его образ. Так, смерть перифрастически названа «повелительницей всего дышащего» (1794, IV, 3), являющейся в образе «прекрасного, вечноцветущего юноши» (1794, IV, 4), а ум – «лучом света, озаряющим долину

жизни» (1794, III, 3), призванным «согревать, но не жечь» людей (1794, III, 6).

Основная часть эссе строится по кумулятивному принципу и состоит из отдельных блоковых триад, начинающихся сходными синтаксическими оборотами (графически они выделяются курсивом). Например, в эссе «К уму» первая триада открывается словами «я удивляюсь тебе [то есть уму]» (1794, III, 3), и далее следуют описания ума, направленного на добрые дела (поиск правды, развитие наук, смирение страстей). Вторая триада содержит негативные характеристики ума; здесь повторяются слова «ты низок и мал, ум...» (1794, III, 4–6) с прибавлением эпитетов (коварный, злобный, пагубный). По такой же схеме составлены эссе «К жизни» с двумя триадами, «К сердцу» и «К смерти» с одной триадой (перечисляются преимущественно положительные характеристики). Однако в эссе «К сердцу» можно выделить вторую, отрицательную, триаду внутри фрагмента-описания мягкого сердца. Она не связана с абзачным членением текста, но имеет ту же организацию (троекратное повторение слов «разве лучше» (1794, I, 6–7) в начале фраз). «Предприимчивость» и «Покой» отходят от общего плана первых четырех эссе: нет триад, но принцип противопоставления сохраняется. В «Предприимчивости» в одном абзаце сталкиваются положительные и отрицательные черты с повторением начальной фразы: «Горе тебе [то есть предприимчивости], когда ...» (1795, VII, 6) – «Но благо тебе, когда ...» (1795, VII, 6). В «Покое» описывается типичное поведение высокомерного человека, скупого, лицемера и несправедливого критика (один сатирический типаж – один абзац); используется анафора: «пусть высокомерный...», «пусть сусека...» (1795, VIII, 4–5) и т. д. Таким образом, прослеживается единый способ построения эссеистического произведения (с небольшими модификациями внутри текста) – кумулятивная модель, выражающаяся в постепенном присоединении однородных мотивных структур (которые оформляются, как правило, в виде триад с повторением ключевых слов), сопоставленных между собой по принципу антитезы.

Заключительный абзац, как правило, отсылает к началу, с небольшими изменениями повторяет мысль, высказанную во вступлении. Например, эссе «К сердцу» открывается обращением: «Тихие колебания сердца! электризуйте перо мое, да прославит оно чистый, неиссякаемый источник ваш» (1794, I, 3). В конце текста автор благодарит «тихие колебания сердца» за возможность рассказать о чувствительном и добродетельном сердце. А в эссе «Предприимчивость» слова о благословении автором предприимчивости начи-

нают и заканчивают сочинение. Кольцевая композиция характерна и для других эссе. Кольцевая модель реализована и на уровне связи между эссе: первое из них открывается описанием сердца, а последнее заканчивается описанием достоинств чувствительного человека (кроме доброго сердца, отмечается честность и склонность к уединению).

Слова, выделенные курсивом (это могут быть отдельные слова, словосочетания или целые фразы), служат стержнем рассуждения. Из этих слов-сигналов составляется внутренний текст, в котором подчеркивается сказанное в основном тексте или расширяются границы рассуждения. Так, в эссе «К жизни» курсивом четко выделяется оппозиция «живет – не живет», т. е. противопоставление жизни подлинной и жизни мнимой, неправильной (с точки зрения нравственности), а в «Суетах» обозначается главный объект рассмотрения – суеты. В таких текстах, как «К сердцу», «К смерти», «Желания», курсивом отмечаются главные мысли, которые можно соотносить с более широким контекстом. Например, эпитеты к сердцу (чувствительное, мягкое, доброе) и эпитафия в конце эссе «К смерти»: «Он жил в безызвестности, и не боялся смерти» (1794, IV, 6) – отражают этико-эстетический идеал сентиментализма. Сложнее представлены ценности сентиментализма в «Желаниях». По мнению мудреца Калофана, главного героя повести, человеку нужно иметь «доброе сердце, просвещенный разум и лучший вкус» (1795, V, 9, выделено курсивом), и в этом Подшивалов с ним полностью согласен. Интересно, что такой серьезный ответ он дает щеголям и щеголихам, которые смеются над ним: «Ха, ха, ха! раздалось со всех сторон; мы этого и ожидали от обезьянской рожицы, воскликнули щеголи и щеголихи, и исчезли, как исчезает легкий пар при наступлении красного утра» (1795, V, 9). Таким образом, ценности сентиментальной эстетики – «доброе сердце, просвещенный разум и лучший вкус» – преподносятся в ироническом контексте, возможно, непреднамеренно со стороны автора. Однако данный эпизод можно рассматривать по-другому: подчеркивается контраст между двумя точками зрения – авторской и обывательской. Дополнительная скрепа внутри текста в виде курсивных слов помогает в организации повествования, а также создает другой способ прочтения текста – составление параллельного текста из выделенных слов.

Подшивалов использует многочисленные риторические приемы (риторические обращения к предмету повествования, вопросы, повторы), усиливая эмоциональное воздействие на читателя [Зацепин 2010: 199–200]. Вопросы, по сути,

являются утверждениями. Над ними не следует размышлять, в них не нужно сомневаться. Например, после ряда описаний пороков в эссе «К сердцу» автор заключает: «Разве лучше обманывать, нежели быть обманутой?» (1794, I, 7). Он задает вопрос и сам на него отвечает. Читатель в этой модели коммуникации пассивен и эксплицитно не введен в повествование, но его фигура необходима для дидактических задач автора.

Тематика образующих триады частей соотносится с дидактической литературой эпохи Просвещения (как, например, в эссеистике сатирических журналов [Королева 2007: 274–277; Трахтенберг 2020: 124–131; Ellis 2020: 97–113]): речь идет о традиционных темах, таких как доброта, милосердие, любовь, сочувствие или, наоборот, скупость, жестокость, корыстолюбие, равнодушные и др. Эти темы повторяются во всех произведениях с разной степенью интенсивности и эмоциональности. Например, в эссе «К сердцу» автор предельно эмоционален, когда говорит о людях, равнодушных к чужому горю или угнетающих ближних. А в эссе «Покой» тон повествования более спокойный, автор старается рационалистически осмыслить пороки и недостатки. В текстах воспроизводятся типичные сатирические образы корыстолюбивого судьи («К сердцу»), «К жизни»), скупого («К уму», «К смерти», «Суеты», «Покой»), купца («Желания»), кокетки («Суеты»), щеголя и щеголихи («К жизни», «Желания»), несправедливого критика («Покой») и др. Они могут быть названы прямо или быть обнаружены с помощью описания характерных черт (см. подробнее [Трахтенберг 2016: 253–327]). Узнаваемость сатирических масок, вероятно, входила в замысел Подшивалова, на известном материале он объяснял новые эстетические категории. Главная дидактическая цель состояла не в том, чтобы высмеять тот или иной сатирический образ (хотя ироническая интонация присутствует), а в том, чтобы показать, насколько он отличается от «чувствительного человека» рубежа XVIII–XIX вв.

Эссе формируют сетку категорий, где ряд дидактических тем, перечисленных внутри каждого текста, скрещивается с рядом ключевых концептов, вынесенных в заглавие. Эти ряды соотносятся с двумя традициями – просветительского дидактизма и сентиментализма. Так, в эссе «Покой» автор последовательно разоблачает сатирические типажи скупого, лицемера и несправедливого критика, противопоставляя им сентиментальные ценности («нужное для простых забав», «тихий круг друзей», «сердечные радости» – 1795, VIII, 5–6). Таким образом, Подшивалов совмещает обе традиции, перенося дидактиче-

скую проблематику в сентименталистскую концептуальную сферу.

В эссе «К сердцу» заявлена концепция человеческой личности, отличная от рационалистического взгляда на человека: не все люди могут избавиться от пороков (а в просветительской концепции предполагается оптимистический взгляд, способность любого человека исправиться, если он будет следовать за добродетелью): «...о ты [сердце], вещь неизвестная и непонятная для людей обыкновенных, доброе и благодетельное сердце! Не пробуждайся в них [в лжеумниках], щадя мнимое их благополучие, не наказывай их упорства и незнания, бейся только для своих любимцев!» (1794, I, 3–4); «...ты [сердце] можешь беспрепятственно изливать свои щедроты не на многих, чувствующих цену твою» (1794, I, 4). В данном контексте люди обыкновенные – это люди «нечувствительные» («Горе нечувствительным! Горе управляемым силою одного механизма!» – 1794, I, 6). Хотя в сентиментализме действуют обыкновенные люди с точки зрения их социального положения, однако они выделяются своей способностью чувствовать и сострадать (фраза «чувствительным сердцам любить сродно» (1794, I, 5) становится своеобразным афоризмом), поэтому в этом смысле они необыкновенные.

В эссе можно найти точки соприкосновения с мыслями двух главных фигур западноевропейского и русского сентиментализма – Ж.-Ж. Руссо и Н. М. Карамзина. Именно они эксплицитно указаны в тексте: Руссо назван прямо (эссе «К уму»; 1794, III, 5), а фамилия Карамзина зашифрована первой буквой, однако по контексту можно догадаться, о ком идет речь (эссе «К сердцу»; 1794, I, 8). Если произведения Руссо к середине 1790-х гг. уже были известны широкому читателю, то идеи Карамзина находились в развитии, на то время приходится пик его творческой активности. Подшивалов, ссылаясь на Карамзина, укрепляет его моральный и литературный авторитет, а также в прямых и скрытых цитатах напоминает читателю о недавних произведениях Карамзина, напечатанных в «Московском журнале» (1791–1792) и альманахе «Аглая» (1794–1795).

Подшивалов внимательно следил за выходящими сочинениями Карамзина, что отражалось в содержании журнала «Приятное и полезное препровождение времени». Так, идеи Руссо воспринимаются сквозь призму рассуждений Карамзина в статье «Нечто о науках, искусствах и просвещении», напечатанной в первой книге альманаха «Аглая» (вышла практически одновременно со второй частью журнала²). Карамзин, высоко оценивая заслуги Руссо, не может согла-

ситься с ним в критике наук и искусств [Лотман 1987: 63]. В полемике Карамзина с Руссо [Лотман 2002: 438–439] Подшивалов явно выступает на стороне Карамзина. Он, как и Карамзин, приветствует образованность и просвещение. Подшивалов подчеркивает важность «благотельного» ума, который собирает «окрест себя <...> прекрасных Наук» и повелевает «им иметь попечение о счастье смертных» (1794, III, 3–4).

В «Московском журнале» были напечатаны «Разные отрывки (Из записок одного молодого россиянина)» Карамзина (1792), по форме напоминающие эссе и представляющие собой «вернейший духовный автопортрет Карамзина того времени» [Муравьев 2014: 177]. Возможно, при написании своих сочинений Подшивалов также учитывал опыт Карамзина, на это указывают тематика и структура отрывков. Как и Карамзин, Подшивалов размышляет об отвлеченных категориях – о человеческом счастье, жизни, смерти и т. д., а композиция восьмого отрывка с трехкратным присоединением сходных синтаксических конструкций схожа с подшиваловскими триадами. Кроме того, в эссе «К сердцу» Подшивалов, говоря о «единодушной любви», которая бы «одушевляла всех смертных» (1794, I, 8), вероятно, имеет в виду утопические рассуждения в одиннадцатом отрывке, начинающемся словами: «Если бы я был старшим братом всех братьев сочеловеков моих» (Московский журнал, 1792, VI, 72).

Другие произведения Карамзина из альманаха «Аглая» также не остались без внимания. Отрывок из эссе «К сердцу»: «Несчастлив я сам, сердце мое надымается против утеснителей: но я невинен, я отношу их притеснения на счет властолюбия <...> Надежда <...> манит возвратиться к внутренним радостям, которых никто у меня похитить не может» (1794, I, 5) – развивает мысль Карамзина, высказанную в «Послании к Дмитриеву» (1794): «Пусть громы небо потрясают, / Злодеи слабых угнетают, / Безумцы хвалят разум свой! / Мой друг! не мы тому виной. / Мы слабых здесь не угнетали / И всем ума, добра желали: / У нас не черные сердца!» [Карамзин 2005: 65]. А конец эссе «Покой» схож с сюжетной ситуацией очерка Карамзина «Цветок на гроб моего Агатона». Интересно, что жанр этого сочинения Карамзина можно определить как «лирическое эссе» [Кочеткова 1994: 232]. Если у Карамзина преобладают личные переживания и самоанализ, то Подшивалов заключает свои размышления в идеальную модель сентиментального героя.

Статьи Подшивалова имеют определяющее значение для понимания литературной позиции журнала «Приятное и полезное препровождение

времени». В форме эссе, опирающейся на давнюю традицию западной и русской журналистики, Подшивалов разрабатывает новую, сентименталистскую, концепцию личности человека. На место прежней, рационалистической, модели поведения приходит иная, где на первый план выдвигается эмоциональная сфера. Притом новое видение личности формируется на основе прежних моралистическо-просветительских представлений и традиционных сатирических типажей, что определяет двойственность художественной природы этих текстов.

Эссе Подшивалова отличается эмоциональный тон, типичный для эстетики сентиментализма. Излишняя эмоциональность и субъективность в суждениях сглаживается сложным, логически выверенным построением текста с соразмерными частями, в результате чего создается эффект прочности и убедительности сказанного. Тон повествования не препятствует упорядочению мысли внутри текста. Наоборот, эмоциональность придает эссе объемность и глубину осмысления характера человека в новых эстетических условиях.

В своих эссе-манифестах Подшивалов излагает общераспространенные идеи того времени, делая акцент на сентиментальной трактовке основных тем, при этом использует сложную многоуровневую композицию с многочисленными риторическими приемами. Таким образом, путем соединения двух контрастных элементов: простоты содержания и сложности формы – достигается эстетический эффект от эссе.

Примечания

¹ Далее ссылки на этот журнал даются в тексте с указанием года, части и страниц в круглых скобках.

² В журнале «Приятное и полезное препровождение времени» есть прямое указание на альманах «Аглая» в «Письме к издателям» анонимного автора (1794, II, 229–233).

Список литературы

Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 572 с.

Зацепин К. А. Эссе: от философии к литературе // Новое литературное обозрение. 2010. № 4(104). С. 191–201.

Иванов О. Б. Эссе в европейской философской и художественной культуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2004. 22 с.

Карамзин Н. М. Полное собрание сочинений: в 18 т. М.: ТЕРРА – Книжный клуб. Т. 14. 2005. 432 с.

Комаров А. И. Журналы Н. М. Карамзина и его направления // Очерки по истории русской

журналистики и критики. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А. А. Жданова, 1950. Т. 1. С. 132–152.

Королева О. А. Жанр эссе в творчестве Д. Аддисона и Р. Стиля // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2007. № 6. С. 274–277.

Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма. СПб.: Наука, 1994. 279 с.

Кочеткова Н. Д. Подшивалов // Словарь русских писателей XVIII века. СПб.: Наука, 1999. Вып. 2. С. 450–455.

Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб, 2002. 768 с.

Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 336 с.

Модзалевский Б. Л. Подшивалов // Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова. СПб.: Имп. Рус. ист. о-во. Т. 14. 1905. С. 216–220.

Московский журнал. 1792. Ч. 6.

Муравьев В. Б. Карамзин. М.: Молодая гвардия, 2014. 479 с.

Приятное и полезное препровождение времени. 1794–1795. Ч. 1–8.

Трахтенберг Л. А. Русские сатирические журналы XVIII века: очерки поэтики. М.: МАКС Пресс, 2016. 432 с.

Трахтенберг Л. А. Эссе в русских сатирических журналах XVIII века // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 3. С. 124–131. doi 10.17072/2073-6681-2020-3-124-131

Хализев В. Е. Теория литературы. 4-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 2004. 405 с.

Эпштейн М. Н. На перекрестке образа и понятия (эссеизм в культуре Нового времени) // Парадоксы новизны: о литературном развитии XIX–XX веков. М.: Сов. писатель, 1988. С. 334–380.

Ellis M. Time and the Essay: *The Spectator* and Diurnal Form // On Essays: Montaigne to the Present / ed. by T. Karshan, K. Murphy. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 97–113.

Encyclopedia of the Essay / ed. by T. Chevalier. London: Fitzroy Dearborn Publishers, 1997. 2156 p.

References

Berkov P. N. *Istoriya russkoy zhurnalistiki 18 veka* [The history of Russian journalism of the 18th century]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1952. 572 p. (In Russ.)

Zatsepin K. A. *Esse: ot filosofii k literature* [Essay: from philosophy to literature]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2010, issue 4, pp. 191–201. (In Russ.)

Ivanov O. B. *Esse v evropeyskoy filosofskoy i khudozhestvennoy kul'ture*. Avtoref. ... dis. kand. filol. nauk [Essay in European philosophical and

artistic culture. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2004. 22 p. (In Russ.)

Karamzin N. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 18 t.* [Complete works: in 18 vols.]. Moscow, TERRA – Knizhnyy klub Publ., 2005, vol. 14. 432 p. (In Russ.)

Komarov A. I. Zhurnaly N. M. Karamzina i ego napravleniya [Magazines of N. M. Karamzin and its areas of specialization]. *Ocherki po istorii russkoy zhurnalistiki i kritiki* [Essays on the history of Russian journalism and criticism]. Leningrad, Leningrad State University named after A. A. Zhdanov Press, 1950, vol. 1, pp. 132–152. (In Russ.)

Koroleva O. A. Zhanr esse v tvorchestve D. Addisona i R. Steele's oeuvre]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2007, issue 6, pp. 274–277. (In Russ.)

Kochetkova N. D. *Literatura russkogo sentimentalizma* [Literature of Russian sentimentalism]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 279 p. (In Russ.)

Kochetkova N. D. Podshivalov [Podshivalov]. *Slovar' russkikh pisateley 18 veka. Vyp. 2* [Dictionary of Russian writers of the 18th century. Issue 2]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999, pp. 450–455. (In Russ.)

Lotman Yu. M. *Istoriya i tipologiya russkoy kul'tury* [History and typology of Russian culture]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2002. 768 p. (In Russ.)

Lotman Yu. M. *Sotvorenie Karamzina* [Karamzin being created]. Moscow, Kniga Publ., 1987. 336 p. (In Russ.)

Modzalevskiy B. L. Podshivalov [Podshivalov]. *Russkiy biograficheskiy slovar'* [Russian biographical dictionary]. St. Petersburg, Imperial Russian Historical Society Publ., 1905, vol. 14, pp. 216–220. (In Russ.)

Moskovskiy zhurnal [Moscow Magazine], 1792, pt. 6. (In Russ.)

Murav'ev V. B. *Karamzin* [Karamzin]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2014. 479 p. (In Russ.)

Priyatnoe i poleznoe preprovozhdenie vremeni [Pleasant and useful pastime]. 1794–1795, pts. 1–8. (In Russ.)

Trakhtenberg L. A. *Russkie satiricheskie zhurnaly 18 veka: ocherki poetiki* [Russian satirical magazines of the 18th century: essays on poetics]. Moscow, MAKS Press, 2016. 432 p. (In Russ.)

Trakhtenberg L. A. *Esse v russkikh satiricheskikh zhurnalakh 18 veka* [The essay in Russian 18th-century satirical magazines]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 3, pp. 124–131. doi 10.17072/2073-6681-2020-3-124-131. (In Russ.)

Khalizev V. E. *Teoriya literatury* [Theory of literature]. 4th ed., revised and enlarged. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2004. 405 p. (In Russ.)

Epstein M. N. Na perekrestke obraza i ponyatiya (esseizm v kul'ture Novogo vremeni) [At the intersection of image and concept (essayism in the culture of the Modern age)]. Epstein M. N. *Paradoksy novizny: o literaturnom razviti 19–20 vekov* [The paradoxes of novelty: On the literary development of

the 19th–20th centuries]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1988, pp. 334–380. (In Russ.)

Ellis M. Time and the essay: The spectator and diurnal form. *On Essays: Montaigne to the Present*. Ed. by T. Karshan, K. Murphy. Oxford, Oxford University Press, 2020, pp. 97–113. (In Eng.)

Encyclopedia of the Essay. Ed. by T. Chevalier. London, Fitzroy Dearborn Publishers, 1997. 2156 p. (In Eng.)

V. S. PODSHIVALOV'S ESSAYS IN THE MAGAZINE 'PLEASANT AND USEFUL PASTIME'

Mariia V. Sinitsyna

Postgraduate Student in the Department of History of Russian Literature
Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation. sinmasha0913@yandex.ru

SPIN-code: 2935-1741

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2274-9103>

Submitted 02.11.2020

The article discusses the essays written by V. S. Podshivalov, the editor of the Moscow University magazine *Pleasant and Useful Pastime* and a supporter of N. M. Karamzin. The aim of this paper is to study the poetics of the essays and to show their significance in the context of the magazine. Podshivalov's essays serve as material for researching the problem of the formation of sentimental aesthetics on the Enlightenment basis. The structure and methodology of the article are determined by the task of complex analysis of the text in the aspects of composition, rhetorical devices, themes and literary connections.

The essays can be viewed as manifestos of sentimentalism. In his writings, Podshivalov develops a sentimental personality concept. All the essays are shown to be similar in terms of composition, developing a cumulative model where homogeneous structures of motives are gradually added. These structures are usually grouped into triads based on the repetition of key words. Series of such structures are, in turn, compared with each other on the principle of antithesis. The subject matter of the essays is related to the didactic literature of the Enlightenment: they concern traditional themes such as kindness, charity or, conversely, miserliness, cruelty. Satirical types of a miser, a hypocrite or an unfair critic are exposed by contrasting them with sentimental values (a sensitive heart, privacy and a close circle of friends). Podshivalov combines two traditions: Enlightenment didacticism and sentimentalism, transferring didactic issues to the sentimental conceptual sphere. The essays contain reminiscences from the works of N. M. Karamzin published around the same time as the first parts of the magazine. References to Karamzin in the university publication strengthened his moral and literary authority. The aesthetic effect of the essays is achieved by combining two contrasting elements – simplicity of content and complexity of form.

Key words: essay; V. S. Podshivalov; N. M. Karamzin; Pleasant and Useful Pastime magazine; Enlightenment didacticism; sentimentalism.